

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

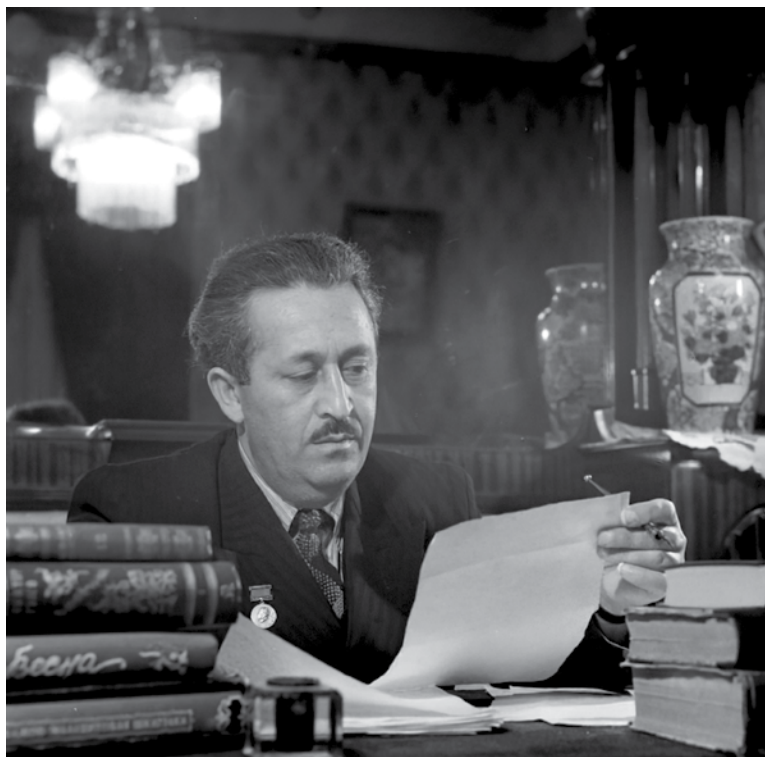
ЛИРИК

СОЦИАЛЬНЫХ МОТИВОВ

История Азербайджана в начале XX века характеризуется архисложными общественно-политическими событиями: в феврале 1917 года рухнула Российская империя, и на окраинах бывшей державы наступило безвластие; весной 1918 года дашнакские головорезы бесчинствовали в большинстве уездов Южного Кавказа; **28 мая была образована Азербайджанская Демократическая Республика; 28 апреля 1920 года национальное государство было свергнуто,** к власти пришли большевики, которые правили

свыше 70 лет. Все эти события оставили неизгладимые и глубокие следы в биографии каждой творческой личности Азербайджана, бурлящее хаотичное время устроило суровое испытание на прочность всей интеллигенции без исключения. Немало ярких фигур азербайджанской культуры стали жертвами безжалостной репрессивной машины большевиков; некоторые до конца своих дней вынуждены были тщательно скрывать истинное внутреннее убеждение, проявляя убедительную лояльность к большевистскому строю, были и такие расторопные, успевшие быстро-шустро и вовремя приспособиться к новым социальным реалиям. Поистине, времена были трудными, сложными, порой страшными. Наше старшее поколение творческих людей прожили особенно тревожную, тяжёлую, противоречивую, мучительную жизнь. Как говорится: «не суди, да не судимым будешь»...

Известный азербайджанский поэт Мамед Рагим – Гусейнов Мамед Аббас оглы родился 20 апреля 1907 года в Баку. Поэтический псевдоним «Рагим» в переводе с арабского означает «добросердечный», «милосердный». Мамед учился в бакинской русско-азербайджанской, а затем в городской школе №5. **В 1929–1932 годы получил высшее образование на факультете азербайджанского языка и литературы Азербайджанского педагогического института,** после чего несколько лет преподавал

Мамед Рагим за рабочим столом

в городских школах и одновременно печатался в газетах и журналах Баку.

Дебютом молодого поэта явилось стихотворение «Увидел», опубликованное в сборнике «Молодые красные перья» в 1926 году. Начав с интимно-лирических стихов, он вскоре перешёл к социальным темам. **Первый сборник стихов Мамеда Рагима «Мечты» вышел в 1930 году.** Затем были выпущены следующие поэтические сборники: «Вторая книга» (1932), «Первые плоды» (1937), «Винтовка партизана» (1937), «Нубар» (1939), «Арзу-Гыз» (1939), «Книга Ильдырыма» (1939), «Песня могущества» (1940), «Любовь к Родине» (1942), «Песня утра» (1943), «Таран» (1943), «Он увидит весну» (1944; на русском языке), «Избранные стихи и поэмы» (1948; на русском языке), «Над Ленинградом» (1949), «На земле Абшерона» (1950), «Избранное» (1950), «Весна любви» (1957), «Над Каспием» (1958), «Стихи и поэмы» (1960), «Азербайджанская кантата» (1972) и др.

В своих произведениях поэт повествовал о борьбе трудящихся за новую жизнь, воспевал подвиг народа и в мирное время, и в годы войны. Его лирические стихи богаты социальными мотивами и народной лексикой. В них реалистичными красками описывается созидательный труд простого человека. В целом **творчество Мамеда**

Рагима тесно связано с фольклором. Обогащаясь и вдохновляясь фольклорными мотивами, он страстно воспевал духовную красоту человека, пафосно превозносил большую, возвышенную любовь. Одновременно поэт был знатоком классической азербайджанской литературы, и эти знания оказали сильное влияние на создание многих лирических произведений на патриотические темы. **Искренний и глубокий патриотизм – одна из важных составляющих поэзии Мамеда Рагима,** неразрывно связанный с гордостью за многовековую историю своего народа, за его героическое прошлое, за богатое культурное наследие.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) поэт **находился некоторое время в рядах Красной армии в Южном Азербайджане** и написал немало трогательных стихотворений на эту тему: «Хлебопёк», «Горе ашуга», «Жажда чёрного камня», «Любовью к свободе пылает душа», «Жалоба Араза» и др. Все эти произведения проникнуты чувством глубокой любви к своему народу и болью за разделённость Родины. Поэт призывает народ к борьбе за свободу и объединение.

Мамед Рагим обращался также к славному **прошлому азербайджанской культуры,**

В первом ряду слева: Микайыл Рафили, Сабит Рахман, Самед Вургун, Мир Джалал, Сулейман Рагимов; позади справа: Аvez Садыг, Джафар Джафаров, Идаят Эфендиев, Али Велиев, Мамед Рагим, Мехти Гусейн, Абдулла Шаик с коллегами. 1945 г.

стремясь найти в нём мотивы, перекликающиеся с современностью, к живым корням народных традиций, уходящим в глубину веков. В стихотворной пьесе «Хагани» (1955) он попытался создать образ великого азербайджанского поэта Хагани Ширвани (1126–1199).

В годы Великой Отечественной войны усилились патриотические мотивы в творчестве Мамеда Рагима, который прославлял морально-духовное единство народа, борющегося с фашистскими захватчиками, отводя решающую роль в этой схватке дружбе народов. Этой теме посвящены стихотворения «Русский», «Сынам Азербайджана», «Одинокая могила», «Его обнял Дон», «Священное горе», «Партизанка», «Бей, снайпер», «Убей его», «Бей, ты убиваешь фашиста!» и др.

Лучшим произведением поэта является **поэма «Над Ленинградом»**, удостоенная в 1949 году Государственной премии СССР, **воспевающая беззаветное мужество и подвиг героически погибшего на Ленинградском фронте лётчика-азербайджанца Гусейнбалы Алиева**. Этому творческому успеху способствовало то обстоятельство, что ранее Мамедом Рагимом уже было написано немало сюжетных

стихотворений о героизме азербайджанских воинов на фронтах Великой Отечественной войны. Именно эти стихи стали для поэта ступенями на пути к созданию крупного произведения лирико-эпического характера. Присущий творчеству Мамеда Рагима лиризм преобладает и в этой поэме, придавая ей волнующее звучание. Автором обрисована впечатляющая картина героического Ленинграда. Он повествует о превращённых в крепости домах с окнами, заложенными кирпичом, о замёрзших детях; об учёном, разломавшем пианино, чтобы истопить печь в комнате, где лежит его больная дочь; о голодных юношах, оберегающих культурные ценности Эрмитажа; о героической борьбе ленинградцев, не падающих духом и вопреки тяготам блокады свято верящих в победу над врагом. Ленинград показан в поэме во всём своём величии и неприступности. **Главный герой Гусейнбала осознаёт величие стоящих перед ним задач и готов пожертвовать жизнью, защищая Родину**. Тяжёлое ранение Гусейнбалы, мужество бесстрашного воина, который до последнего дыхания преданно служил отчизне, – всё это овеяно в поэме суровой романтикой бессмертного подвига.

Художественным достоинством произведения является и его лаконичность. Поэт находит такие ёмкие слова, что читатель зримо представляет себе всё происходящее в поэме. Высокий пафос поэмы возникает из конкретной образности стихотворного повествования, а не из пустых риторик.

В поэме «Над Ленинградом» с необычайной силой подчеркнута **идея бессмертия воина, отдавшего жизнь за родину**. Эти чувства так созвучны в сегодняшней жизни **Азербайджана**: павшие за Родину – шехиды бессмертны, они никогда не умирают, они никогда не забываются, ибо они продолжают жить в памяти народа!

Заслуженный деятель искусства Азербайджана (1940), Народный поэт республики (1964) Мамед Рагим перевёл на азербайджанский язык произведения Алишера Навои (1441–1501) «Фархад и Ширин», Низами Гянджеви (1141–1209) «Семь красавиц», Александра Пушкина (1799–1837) «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», стихи Михаила Лермонтова (1814–1841), Николая Некрасова (1821–1878), Александра Твардовского (1910–1971), Владимира Маяковского (1893–1930), Александра Блока (1880–1921), Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832), Шандора Петефи (1823–1849), Абая Кунанбаева (1845–1904), Мамедвели Кемине (1770–1840) и других поэтов. Обширное **творческое наследие поэта неоднократно издавалось как на азербайджанском, так и русском и других языках, составив более сорока книг**. Талантливый азербайджанский поэт советского периода Мамед Рагим при жизни заслуженно прославился как поэт-лирик социальных мотивов, в творчестве которого нашли яркое отражение актуальные аспекты жизни азербайджанского народа.

Мамед Рагим умер 6 мая 1977 года в Баку и похоронен на Аллее почётного захоронения. ✨

Литература

1. Антология азербайджанской поэзии. Под редакцией В.А.Луговского и Самеда Вургуня. Москва, «Художественная литература», 1939. 426 с.
2. Антология азербайджанской поэзии. В трёх томах, том третий. Составители: М.Тахмасиб, М.Рзакулизаде, Наби Бабаев (Хазри). Переводы под редакцией П.Антокольского и Ч.Гусейнова. Москва, «Художественная литература», 1960. 280 с.
3. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом

Первая книга стихов Мамеда Рагима «Мечть». 1930 г.

литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.

4. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə.Mirəhmədov, B.Vahabzadə, F.Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
5. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı tarixi. İki cildə. I c. Baş redaktor akad. M.Arif. Bakı, "Elm", 1967. 638 s.
6. T.Əhmədov XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. 984 s.
7. İsa Gəlibbəyli, Abuzar Bağirov. Azərbaycan – jəmçujina Turana. Monoqrafiya-antologiya. Ötv. redaktor: A.M.Bağirov. Moskva, «Xudojественная литература», 2020, 656 s.
8. İsa Gəlibbəyli. Litəratuira. Vremya. Sovremennost. Monoqrafiya. Ötv. red. A.M.Bağirov. Moskva: «Xudojественная литература», 2020, 464 s.

The article briefly describes the works of the outstanding Azerbaijani poet of the 20th century, Mammad Rahim.

Мамед Рагим и Мухаммед Хусейн Шахрияр

МЕЧТА КАМЕНЩИКА

Бетон и камень в мощный монолит
Сливают он – и вырастает дом...
И памятник на площади стоит,
Как бы любит его трудом.

Проходит время. Здание растёт
И делит с памятником гордость высоты.
А каменщик без усталости поёт,
И в этой песне все его мечты.

Идут недели. Дом растёт всё выше.
В азарте каменщик; теперь ему
Мал памятник уже: – Я эту крышу
До высоты чинары подниму.

Но высоко чинара та растёт.
Взглянуть – папаха с головы спадёт;
Далёко в небе, чуть пониже звёзд,
Кончается её высокий рост.

Проходят месяцы... Столкнулся мастер старый
Лицом к лицу с вершиною чинары.
Несутся птицы, мчатся облака,
И рядом с ними – мастера рука.

Дом через год принять жильцов готов.
Он, правда, чуть пониже облаков,
Но подпирает небо гордой крышей, –
Смотрите, граждане! – куда чинары выше!
Доволен каменщик своим трудом!
Мечтает он, чтоб следующий дом

И выше был, и краше, и стройней,
И чтоб – униженный – пред ним катился гром,
Не достигая верхних этажей.

Перевод Михаила Светлова

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Как доброе сердце,
Раскрылась природа.
Цветы полевые
В петлицах пестрят.
Бормочут акации.
Даль небосвода
Похожа на праздничный
Женский наряд.

Над городом
Ветер проносится влажный,
За старым бульваром
Рокочет прибой.
Весна, ты свободна,
Безбрежна, отважна.
И я выхожу
На свиданье с тобой.
И снова со мною
Закаты и рани –
Твоя красота,
Чистота,
Синева.
Спасибо тебе за простор,
За желанье
Работать вовсю,
Засучив рукава!

Ты в первых признаньях
И в гомонах птичьих,
И в стали кипящей,
И в юных ростках.
Такой уже
В нашем народе обычай –
Встречать тебя
С новой надеждой в сердцах.

Поэтому
Было мне трудно мириться,
Что в даях Алтая,
В степях Кулунды
Высокой волной
Не шумела пшеница
И трактор
Не вёл за собой борозды...

Пусть тронуты инеем
Блёклые травы,
Пусть степи пустынные,
Пусть ветер жесток –
Грохочут составы,
составы,

составы...
И юность с весной
Пришли на восток.
Весна, ты услышала
Голос народный...
Пришли трактористы
В поля поутру,
Чтоб в милых краях
Не была ты бесплодной,
Чтоб зрели колосья,
Звеня на ветру.

Грохочут моторы
В часы заревые.
Прожектор в ночи
Пробежал по пластам.
Такую весну
Я увидел впервые.
Звенят голоса молодые
И там.

Как доброе сердце,
Раскрылась природа,
Цветы полевые
В петлицах пестрят.
Бормочут акации.
Даль небосвода

Похожа на праздничный
Женский наряд.

Так здравствуй, весна!
Ты над нами в полёте.
Своих сокровенных богатств не таи
От тех, кто сегодня
В мечте и работе
Бесстрашно
Раздвинул пределы
Твои!

ГРАНАТ

Добрый край, ты плодами богат –
Миндалём,
И айвой,
И черешнею.
Но стократ
Мне милее гранат.
Пусть простят меня критики, грешного.
Упрекнут они: тема мелка.
Ну, а я не согласен, товарищи:
Вот гранат –
Он алей лепестка,
Он – осколок восхода нетающий,
Он – спрессованный сгусток огня,
Он горит над садами просторными...
И ещё он прельщает меня
Тем,
что ссор
не бывает меж зёрнами.
Здесь, в ячейках, они заодно.
Мало места? Натянута кожа?
Тёмно-красно
граната зерно,
И за место своё не тревожится!
Воспевает гранаты ашуг.
И больной наклонился над чашею
И, как пишется в сказке, он вдруг
Здоровеет от сока сладчайшего.
Скромный плод не у всех на виду,
Хоть и вкусом отменнейшим славится.

Как-то встретил я в старом саду
Недотрогу мою и красавицу.
Шла с гранатом она по тропе...
И хоть это с рассудком не вяжется –
Всё, что нравится милой – тебе,
Если любишь, прекрасным покажется.

Мы по саду осеннему шли.
Я немел – словно вовсе без голоса.

А гранат был подобьем земли
С зеленеющим
венчиком полюса!

АМБАЛ

Выходишь в город утром рано.
Ждёшь груза, смугл и горбонос.
Ты стал горбатым от палана,
И горе в сердце запеклось.

Вот уголь тащишь ты, усталый.
Хозяин крутит жёсткий ус;
Идёт, смеётся над амбалом...
Не уголь – это жизни груз.
Он сквозь палан сжигает спину.
А в сердце – холод ледяной.
Бредёшь и думаешь о сыне.
А может - о судьбе иной...

Потом сидишь от пота мокрый.
В усталом сердце тает дрожь.
И вновь ты слышишь чей-то окрик,
И через силу вновь встаёшь.

Что было нынче – будет завтра
В слезливой мути фонарей:
Насмешка уличного франта,
Кивок брезгливый: – эй, быстрей!

Но разве нет в душе желаний,
Хоть и печалью ты объят?
Тебя я в зное и в тумане
Встречал на улицах, мой брат.

Глаза, от напряженья ширясь,
Глядят из-под бровей седых.
И не мешки, а горечь мира
Ты тащишь на плечах своих.

И всё мне кажется – хороший,
Такой хороший день придёт,
Когда, избавившись от ноши,
Ты сбросишь груз своих забот!..

Перевод Абрама Плавника

ДЕРЕВО И ВЕСНА

Я у дороги дерево увидел.
Его издалека перевезли.
Оно молчало в тягостной обиде,
Оторванное от родной земли,
Не зеленея...
А весна чужая –

Туманна, непривычна, холодна...
Но, солнцем и заботой окружая,
Вернула к жизни дерево она.
И вот оно украсилось листвою,
Густую тень отбросило вокруг...

Я человек, я многим больше стою,
Но я - как это дерево, мой друг.
Когда ты холодна и недовольна,
Мне безнадёжно холодно и больно,
Но если ты добра, тепла, ясна,
Я оживаю.

Ты – моя весна.

Перевод Маргариты Алигер

НАМ НЕ ПО ПУТИ

Словно лёгкая серна проходишь ты садом.
Я гляжу тебе вслед зачарованным взглядом.
Тебе от роду двадцать, а мне – пятьдесят...
Ты взглянула – и вот моё сердце согрето!
Ты, как солнце, сверкаешь потоками света.
Я смотрю тебе вслед, но печален мой взгляд...

О красавица, сердце запело бы птицей,
Коль полвека назад ты могла бы родиться,
Или мне бы родиться лет тридцать спустя.
Я пленён твоим взглядом открытым и чистым,
Твои речи звенят ручейком серебристым.
Я ловлю эти звуки, любя и грустя.

Ты поёшь – и смолкают в саду соловьи.
Ты стройна. Грациозны движенья твои.
Я стою, очарован твоей красотой.
Что мне делать с такой вот нелепой судьбой?
Нам шагать бы, любимая, к цели одной,
Но дороги у нас столь различны с тобою...

В ЗЕРКАЛЕ ДУШИ МОЕЙ

Меня до остановки провожая,
Твердила ты: – На севере морозы. –
Троллейбус дрогнул, дверцу закрывая,
И на глазах твоих блеснули слёзы.

Зима своим причудливым узором
Холодное украсила стекло.
Пусть сквозь него нельзя проникнуть взором –
Мне всё равно от глаз твоих тепло.

Нет, нас с тобой не разлучит зима,
И злым ветрам не заглушить любовь!
Мелькают в белом инее дома,
Горит под солнцем снеговой покров.

В редакции тбилисской газеты «Заря Востока». В верхнем ряду справа - Мамед Рагим

Зима трещит, грозится, ну и пусть.
Огнём любви я растоплю снега!
Любимая, о, как ты дорога!
Гляжу в твоё лицо – не нагляжусь...

Твои глаза горят голубишной.
В них отблеск неба, звёздочка моя.
В горах, в долинах – где бы ни был я,
Глаза твои всегда передо мной!

Да, нам с тобой разлука не страшна.
Пускай окно покрыто толстым льдом,
Буря, метель иль горная стена –
Всё это дружбе нашей нипочём!

Твой нежный образ до заката дней
Я буду видеть в зеркале души моей.

Перевод Эдуарда Асадова

О КРАСОТЕ

– Эй, поклонник красивого, ты меня учишь:
Не пиши о бровях, о губах, об очах...
Воспевай, мол, моральный качества лучше,
Воспевай, мол, уют и домашний очаг...

Разве я восхищаюсь лишь внешностью женщин?
Я пишу о красивых сердцах, не забудь.

Если девушка родинкой чёрной не блещет,
Всё равно ведь полюбит её кто-нибудь...

Ты коришь, что я губы и брови рифмую.
Я согласен, не буду, но – только прости, –
Коль красавицу встретишь в пути молодую,
Обещай не взглянуть на неё и пройти.

Я не просто рисую красивый портрет,
Ты ищи в моих песнях влюблённости свет.

ОТВЕТ

Ты так решила, чтобы мы забыли
С тобою вместе пройденные дни?
Твои слова мне переданы были:
«Верни мне письма, карточку верни!»

Куски бумаги требуя обратно,
Ты не сказала ничего о том,
Как поступить мне с тем, что невозвратно, –
С годами, проведенными вдвоём.

Верну тебе и карточки, и письма...
Но станет ли от этого ясней

Вопрос, в котором не разобрались мы, –
Как быть с любовью? Что мне делать с ней?

МОГУЩЕСТВО ЛЮБВИ

В осанке льва - величие и угроза.
Мне кажется всегда, что он сердит.
Но на спине его в спокойной позе
Красавица беспечная сидит.

Стоят (слева направо): Гусейн Натик, Мамед Рагим, Микайыл Мушфик, Джафар Хандан; сидят (слева направо): Сабит Рахман, Абульгасан, Расул Рза, Мамедгулу Алиханов, Мустафа Гулиев, Умай Гусейн-заде

Фарфоровую эту статуэтку
Рассматривают многие нередко,
– Тут кроется какая-нибудь тайна...
– Ведь лев силён, он может разорвать...
– А женщина спокойна не случайно...
– Решительная женщина, видать...

Друзья мои, не вымысел пред вами.
А сами не являетесь вы львами?
Не к вам ли можно отнести слова:
«Любовь сильнее даже силы льва»?

Перевод Михаила Львова

ПЕСНЯ УТРА

Далеко за полночь, когда всего слышней
Сквозь сон курлыканье летящих журавлей,
И первый свет зари в родных твоих местах,

И первый трепет птиц, проснувшихся в кустах,
Их щебетание – всё это песня утра.

На свежей зелени блеск солнца молодой,
Чинар лепечущие ветви над водой,

Шум пронсящих над валунами вод,
И даль, что путника весёлого зовёт
Начать скитанья, – всё это песня утра.

И отзвук топота джейраньих лёгких стад,
И то, как облака таинственно блестя,
Цвет розы, сбросившей зелёную чадру,
Роса, и ландыши, и маки поутру,
И трав дыхание – всё это песня утра.

Смех юных девушек на скалах у дорог,
И шалей шёлковых душистый ветерок...
Тебя, читатель мой, прислушаться прошу:

О светлом времени, любя людей, пишу, –
Полна сверкания и света песня утра!

Перевод Аделины Адалис

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ МОЕЙ

Когда в океаны корабль отплывает,
Ревниво за небом следит капитан.
Когда караванщик дорогу теряет,
По звёздам ведёт он в песках караван.

Родился я с верной любовью к отчизне,
Что в сердце живёт, вдохновляет меня.
Ты тоже со мною проходишь по жизни,
Мой друг, чья любовь окрыляет меня.

Страна мне чудесные дарит порывы,
Как солнце, мне светит в суровые дни.

И ты меня сделай, родная, счастливым,
Чтоб стала любовь твоя солнцу сродни.

Чтоб с нею на волнах житейского моря
Пройти мимо скал треволнений и горя.

Перевод Александра Шпирта

СМЕРТЬ ПОЭТА

Так хорош бытия расцветающий сад,
Так на древней земле животворны года,
Что, поверь, конь времён, быстроног и крылат,
Мысль о смерти забыл, растоптал навсегда.

Но сединка блеснёт в тёмных прядках моих –
И внезапно встают предо мною в тот миг
Предстоящие дни... Мне уже шестьдесят.
Словно снег, волоса у подруги блестя.

Пригорюнясь, она на скамейке сидит,
Внуку сказку свою в сотый раз говорит.
А невестка моя – утешение глаз –
В новом платье к друзьям вечерком собралась.

Я же грустно сказал: – Нездоровится, ох! –
И, вздохнув, на постель сиротливо прилёт.
Ведь и я человек, не кремень, не скала!
В ту минуту на землю обрушится мгла -

И в зрачках у меня, в светлом мире моём,
Темнота! Темнота надо всем и во всём.
И глаза мои в горе закроет жена,
Поглядит – и заплачет, заплачет она.

И любовь моя, дочь, солнце светлое дня,
Молча будет рыдать в головах у меня.
Вот последняя дань уваженья семьи.
О родные мои! О родные мои!

Перед всею вселенной я буду один...
– Это ль смерть человека? – прошепчет мой сын.
Молча за руки взяв своего малыша,
Отойдёт мой Ильдырым не спеша, не дыша.

Молодая невестка останется тут,
А поэты собрата стихами почтут.
И могильщик поглубже зароет меня,
Мой талант и дела нипочём не ценя.

Примет прах мой земля в материнскую сень
Так прискорбным венцом увенчают тот день...
И пройдёт нескончаемых лет череда,
И на землю иные придут города,

*Книга «Над Ленинградом», удостоенная
Государственной премии СССР (1949 г.)*

Над землёю иные зажгутся огни,
Вспыхнут гордыми розами новые дни.
Надо мною пройдут сыновья сыновей,
И промолвят они над могилой моей:

– Человек, чья могила сегодня в цвету,
Ты лелеял о дальних потомках мечту,
Ты о нашем пленительном веке писал,
О свободном, большом человеке писал.
Ты писал о великой поре красоты,
Даже сердце, как тар свой, настраивал ты,
И плоды вдохновенья, творчества жар,
Подносил ты народу и родине в дар.
И словам, будто птицам, ты крылья давал,
Каждым словом родную страну воспевал.
Пусть и не был ты первым поэтом страны,
И последним назвать мы тебя не вольны.
Неустанным солдатом искусства ты был...
Здесь могила того, кто безмерно любил
Человека, и птицу, и ветер в горах, –
Здесь поэта Мамеда Рагима прах... –
О подруга моя! Радость жизни моей!
В неминуемый день слёз разлуки не лей.
Ибо в мире для тех, кто оставил в нём след, –
Так народ говорит, – смерти горестной нет.

Перевод Павла Панченко